

**“Идя ко святому
Иакову”:
древнерусское
граффито XII в.
в Аквитании**

**Александр Михайлович
Гордин**

Государственный Эрмитаж,
С.-Петербург, Россия

**Татьяна Всеволодовна
Рождественская**

С.-Петербургский государственный
университет, С.-Петербург, Россия

**‘When Going
to Saint James’:
An Old Russian
Graffito from
the 12th Century
in Aquitania**

Alexander M. Gordin

State Hermitage Museum,
St. Petersburg, Russia

Tatiana V. Rozhdestvenskaya

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В 2015 г. в городе Понсе, в бывшей провинции Сентонж, на стене приходской церкви Сен-Вивьен, памятника середины XII в., было обнаружено древнерусское паломническое граффито. Это вторая после граффито из аббатства Сен-Жиль подобная находка во Франции. Стоящий на самом западном пути в Сантьяго-де-Компостела (via Turonensis) г. Понс интересен сохранившимся в нем паломническим госпиталем второй половины XII в. На стенах его длинной проходной арки — вырезанные средневековыми пилигримами подковы, наиболее поздняя из которых обрамляет имя, очевидно, также написанное кириллицей (XVI–XVII вв.). Надпись в основании се-

верного торца первоначального фасада церкви Сен-Вивьен сделана от лица некоего Ивана Завидовича: “Ивано ꙗ҃ло Зави\довиче и҃да ко\ свѣтому Иа\ ковоу”. Ее наиболее вероятная палеографическая датировка — 1160–80-е гг. По данным берестяных грамот и летописей имя отца Ивана *Завид* было популярно в среде новгородского боярства. С Новгородом же связано и наибольшее число косвенных свидетельств проникновения на Русь западного культа апостола Иакова Старшего. Хорошая сохранность надписи делает ее важной эпиграфической находкой, однако главная ее ценность состоит в прямом документальном доказательстве факта хождения древнерусских паломников к мощам святого Иакова в Галисию.

Ключевые слова

Древнерусские граффити, средневековая эпиграфика, палеография, Франция, церковь Сен-Вивьен в Понсе, Госпиталь для пилигримов, паломничество в Сантьяго-де-Компостела, Новгород, процветший крест, XII в.

Abstract

In 2015 in Pons, in the former province of Saintonge, an Old Russian pilgrim graffito was found on the wall of the parish church of St. Vivien, a monument of the mid-12th century. It is the second graffito found in France after the one discovered at St. Gilles Abbey. The town of Pons is located on the westernmost route of Santiago de Compostela (via Turonensis) and is noteworthy because of the preserved pilgrim almshouse of the latter half of the 12th century. On the walls of its long archway are horseshoe drawings made by medieval pilgrims, the latest of which, dating from the 16th–17th centuries, bends around a name that is also apparently written in Cyrillic script. The earlier inscription, which appears at the base of the northern end wall of the original façade of the St. Vivien church, is made in the name of one Ivan Zavidovich: “Ivano ps[aj]lo Zavildoviche ida ko | sv[et]omu I[ek]kovu” (= ‘Ivan Zavidovich wrote this when going to Saint James’). The most probable palaeographic dating is in the 1160s–1180s. As suggested by birch bark manuscripts, the name of Ivan’s father, Zavid, was popular among Novgorod boyars. Novgorod is also the place with the greatest indirect evidence of the occurrence in Old Russia of the western cult of St. James. This well preserved inscription is an important epigraphic discovery, but its main value lies in the direct evidence of pilgrimages by Russians to the shrine of St. James in Galicia.

Keywords

Old Russian graffiti, medieval epigraphy, palaeography, France, Saint Vivien Church in Pons, almshouse, St. James’s Way, Novgorod, flower cross, 12th century

На французском любительском интернет-сайте “Les Graffiti anciens, un patrimoine fragile et méconnu” (<http://graffitimania.free.fr/>) опубликована фотография хорошо читаемой кириллической надписи и расположенного рядом изображения процветшего креста. Никакого комментария, кроме пометки “inscription”, под фотографией нет. Состоявшаяся в сентябре 2015 г. поездка одного из авторов данной статьи на место обнаружения надписи подтвердила присутствие граффито по указанному

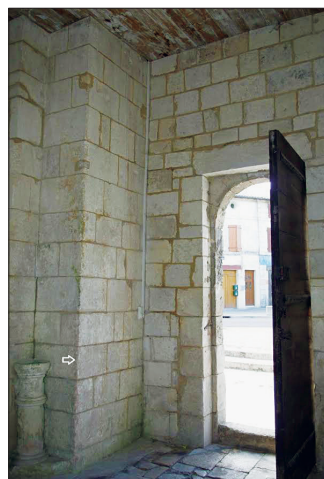

Илл. 1. Понс (Франция, Приморская Шаранта), церковь Сен-Вивьен. Середина XII в. с перестройками XV, XVIII и XIX вв. Фотография Н. Гординой

на сайте адресу: департамент Приморская Шаранта, город Понс, церковь Сен-Вивьен (Илл. 1).

Это вторая древнерусская кириллическая надпись, обнаруженная во Франции, после надписи второй половины XII – середины XIII в. из аббатства Сен-Жиль в Провансе: Г(оспод)и помъзи равоу съѣмоу Сьмкъви Нинославичю [BRUN ET AL. 2014: 118].

Надпись расположена на северном плече широкого романского фасада церкви, в четвертом снизу ряду кладки массивного контрфорса, на высоте 83 см от современного пола или, судя по цоколю фасада, примерно в метре от уровня средневековой дневной поверхности, что означает, что автор писал пригнувшись или стоя на коленях (Илл. 2). Со времени пристройки к церкви в XVIII в. север-

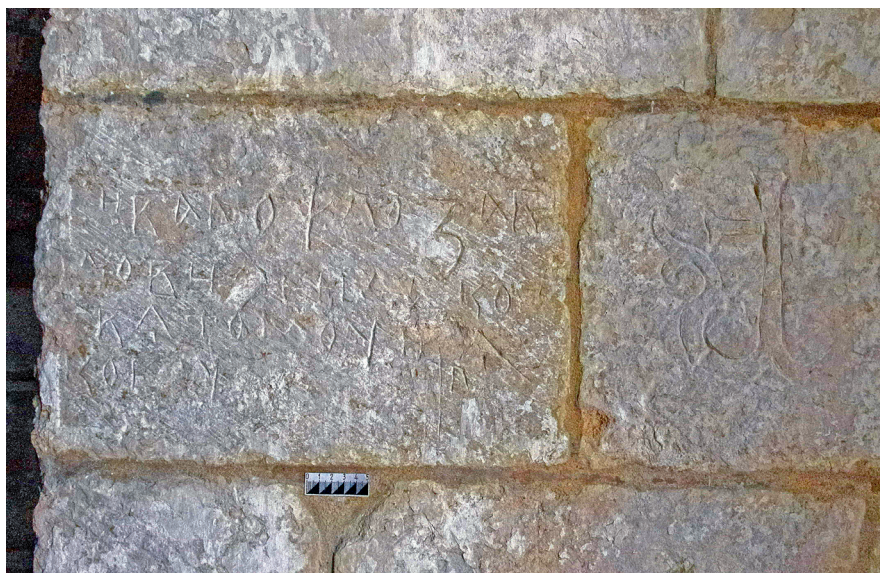
Илл. 2. Понс, церковь Сен-Вивьен. Местоположение надписи в интерьере. Фотография А. Гордина

ного бокового нефа нижняя половина контрфорса находится в интерьере.¹ Не исключено, что какая-то пристройка существовала с этой стороны и ранее, хотя и не изначально. Покрывающие выступ стены — и до недавнего времени сама надпись — слои побелок трудно сосчитать: их не меньше десятка; следы линий красной охры на одном из слоев могут свидетельствовать о готическом мотиве имитации кладки или ином интерьерном узоре. Удаление значительной части набелов и раскрытие граффито — результат косметической реставрации 1970-х гг., а возможно, и чьих-то любительских усилий.²

Надпись состоит из четырех строк. Несмотря на повреждение как минимум двух букв и остатки побелки, текст надписи прочитывается без труда (Илл. 3, 3а):

1. ИВАНѦ ЦѦЛО ЗАВ(И)
2. ДОВИЧЕ ИДА КО
3. СВАТГОМУѦ ИА
4. КОВОУ

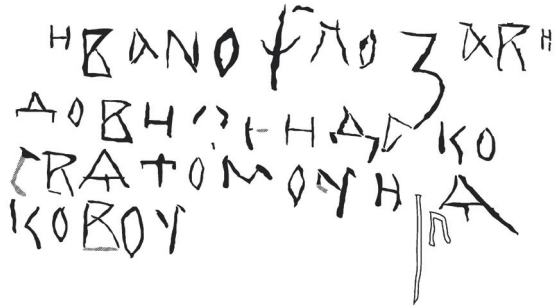
Перевод: “Иван писал Завидович, идя к святому Иакову”.

Илл. 3. Надпись и крест. Вторая половина XII в. Фотография А. Гордина

¹ Фасад северного бокового нефа перелицован одновременно с пристройкой южного в XIX в.
² Как выяснилось после публичной презентации находки на конференции в Государственном Эрмитаже (10 ноября 2015 г.), рассматриваемую надпись видели в 2010 г. сотрудники архитектурно-археологического сектора Эрмитажа П. Л. Зыков и О. М. Иоаннисян.

Границы строк определены швом между блоками кладки. В конце первой строки от буквы **И** сохранилась лишь левая мачта, правая попала в выбоину на границе блоков; отметим и малый масштаб этой буквы как в начале строки, так и в ее конце; во второй строке в слове **Завидовиче** от **Ч** сохранились лишь верхние части закругленной

0 1 2 3 4 5 см
+++++

Илл. 3а. Прорись по фотографии, выполненная П. Л. Зыковым. Размеры камня с надписью 28,5×43 см

чаши и часть ножи. Над буквой **Щ** еле заметна правая часть титла. Для палеографической датировки в соответствии с [Зализняк 2000: 152–217, 220–245] показательны формы буквы **А**, значительно меньшей по размеру в сравнении с другими, с остроугольной петлей, крупная **В** с заходящей за нижнюю верхней петлей, **З** вертикальной формы, с переломом, **К** с уменьшенным верхом и несоединяющимися правой и левой частями, **А** с низкой перекладиной и коротким вертикальным язычком, **Щ** с высокой остроугольной чашей и мачтой, выходящей за уровень строки. Все начертания букв хронологически укладываются в промежуток между 1160-ми – 1180-ми гг. Соответственно, примерно этим временем можно датировать и нашу надпись. Имя и отчество Ивана Завидовича разрывает глагол **ψль**, что не является редкостью в древнерусских, преимущественно новгородских, граффити, напр.: в Софии Новгородской — **Ст(ьп)анъ ψль Рожн(а)тиць, Михал(ъ) п(ъ)салъ Людогости(ничь)** [Медынцева 1978: 125, 161]; **Св(о)-дька ψль Микѹлиницъ** в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, а также в граффити-автографах в Софии Константинопольской. Дистантное расположение членов словосочетания (личное имя и отчество или прозвище) вообще характерно для синтаксиса берестяных грамот и летописей [Зализняк 2004: 189–190]. В надписи отражена древнерусская бытовая орфографическая система письма с заменой конечных **ъ / о**, характерная для берестяных грамот и эпиграфики начиная с XII в. [Ивд.: 21–25]: **Иванъ** и **ψло**. Древнерусская форма причастия муж. рода на **-а (нда)** соответствует древнерусской грамматической норме. В то же время употреблена церковнославянская книжная форма имени **Иаков** с **а**, которая находит параллель в орфографии, в частности, монашеского имени в граффити № 118 XII в. в Софии Киевской (см.

табл. xxiv–xxv: 1 [Высоцкий 1976: 41]). Разделяющая **и** и **л** вертикальная черта могла существовать на камне и до появления надписи, чего, однако, не скажешь о загадочной букве **п** (ср. [Медынцева 1978: рис. 41, № 53], не только абсолютно тождественной по фактуре линий букве **л**, под которой она расположена, но и совершенно непохожей на камнетесную метку — в отличие, скажем, от зеркальной и перевернутой строчной буквы **п**, просматривающейся у правого края камня ровно на половине его высоты.³ Написание имени **Иванъ** со значительно более мелкой, чем остальные, начальной буквой, встречается во многих древнерусских граффити, т. е. вполне стереотипно [ивд.: рис. 9, 41, 85, № 52, 53, 156; Высоцкий 1976: табл. сxxvii–сxxviii: 4, № 240, табл. xlix–l: 3, № 142]. Разномасштабность букв в древнерусской эпиграфике вообще не редкость: в более мелких настенных надписях, как и в грамотах на бересте, она, однако, меньше бросается в глаза. В надписях на каменных блоках и плитах разномасштабность букв присутствует и в южнославянских памятниках. Так, среди глаголических надписей из Боснии и Истрии отметим надписи на обломках плит, найденных в непосредственной близости от известной Башчанской плиты ок. 1100 г., в которых некоторые буквы значительно превосходят по размерам остальные [Fučić 1982: 62–63, 65].⁴

Отчество Ивана *Завидович*, как и само имя *Завид*, встречающееся как на южно-, так и на западнославянской территории, у восточных славян более известно по новгородским источникам. О популярности его в новгородской боярской среде свидетельствуют берестяные грамоты, найденные на Неревском и Троицком раскопах в слоях начала XII – середины XIII в. ([Зализняк 2004: № 103, 156, 228, 644, 665, 736а, 798, 818, 824], а также № 987 [Янин et al. 2015: 91]), и одна владельческая надпись на гребне [Янин, Зализняк 1993: 114–115, № 25]. *Завиду* адресовано письмо № 824 (возможно, также № 803) и грамота № 665, также он автор письма № 798 и упомянут в грамоте № 818. Все эти документы тяготеют ко второй половине XII в. Грамота № 644, также адресованная некоему *Завиду*, датируется первой четвертью XII в. Новгородские летописи называют, во-первых, умершего в год своего поставления посадником (1128 г.) шурина князя Мстислава Всеволодовича *Завида Дмитрича* (деда его также звали *Завид*) [НПЛ: 21–22, 204–206]; во-вторых,

³ Благодарим П. Л. Зыкова, любезно выполнившего прорись надписи и обратившего наше внимание на эту деталь.

⁴ Вопрос о палеографических аналогиях в южнославянской и древнерусской эпиграфике представляется весьма важным в истории развития эпиграфического письма и требует специального рассмотрения — зависит ли разномасштабность букв в надписях от технических причин, либо это связано с уровнем грамотности писавшего, либо от передаваемой данным словом информации, либо и от того, и от другого.

посадничавшего с 1176-го по 1180-й и затем второй раз, по 1186 г., *Завида Неревинича* из Неревского конца [ИВІД.: 35–36, 38, 224–226, 228]; в-третьих, убитого в 1194 г. по подозрению в измене *Завида Негочевича* [ИВІД.: 41, 234]; и в-четвертых, перебежавшего в 1216 г. к князю Ярославу Владимировичу *Володислава Завидица* [ИВІД.: 55, 254–255], предположительно из Людина конца [Янин, Зализняк 1993: 10–16].⁵

В последние годы в Софии Константинопольской обнаружены многочисленные граффити русских паломников [Артамонов, Гиппиус 2012: 41–52], в их числе оставил свой автограф некий *Завид*: **Завидѣ Ѡалѣ Данетиничь**. В имени *Завид* окончание *-е* в им. пад. ед. числа *о*-склонения подтверждает новгородское происхождение автора надписи [Артамонов et al. 2012: 288]. Отметим здесь дистантную позицию имени *Завид* и отчества *Данетиничь*. В новгородском Софийском соборе на южной стене северной паперти процарапано имя *Завидъ*, выполненное глаголицей, стратиграфическая датировка этого граффито — 1045–1109 гг. [Михеев 2012: 71–72]. Несмотря на то, что нет собственно лингвистических оснований связывать нашего Ивана Завидовича, идущего “к святому Иакову”, непременно с Новгородом, такая связь представляется все же весьма вероятной.

На соседнем с надписью Ивана Завидовича каменном блоке находится крупное изображение процветшего креста. Мастерское, хотя и не вполне завершенное автором, оно является столь же ярким этнокультурным знаком, что и древнерусский текст. Небольшие рисунки процветших крестов сопровождают немало молитвенных надписей-граффити домонгольского времени (в новгородском и киевском Софийских соборах, в церкви Спаса на Берестове и др.), однако начертание нашего креста напоминает, скорее, аналогичные изображения в настенных росписях: процветший крест лестничной башни собора новгородского Антониева монастыря (вторая четверть XII в.), кресты орнаментов подкупольных арок Нередицы [Пивоварова 2002: илл. 222]. Не менее экзотичный для романской Франции, чем кириллица, процветший крест воспринимается сегодня лишь как символично-художественное дополнение надписи. Однако глагольная форма **Ѡалѣ** могла относиться и к изображению креста, поскольку древнерусский глагол **писати** имел также значение ‘украшать живописью, расписывать’ [Срезневский 1895, 2: 936],⁶ ‘рисовать’. Более того, выражение **Ѡлѣ хр(ε)стѣ** прямо встречается среди домонгольских надписей [Высоцкий 1966: 111,

⁵ Список посадников новгородских насчитывает, в общей сложности, три Завида [НПЛ: 164, 471–472].

⁶ *Коньцаша цркъви пишоше стго Блговѣщення* (НПЛ, 6697 г.); *Повелѣ владыка Василан писати церковь Входъ Иерусалимъ [. . .] Исаю Грѣчину с други* (НПЛ, 6846 г.).

табл. LXIX–LXX: 2, № 76], и можно думать, что второе слово в ряде случаев просто опускалось как очевидное (ср. [Медынцева 1978: 82, 161, рис. 72, 135, № 90, 224]). Лаконизм начертания креста — четырех-, а не шестиконечного, как обычно, — объясним прежде всего трудоемкой техникой исполнения. Сказалась она и в незавершенном абрисе тугих побегов, в самом деле, удивительно родственных по форме фресковым орнаментальным завиткам.

Большие размеры надписи (поле 27,5×40 см) и креста (16,7 см высотой) могут свидетельствовать как об амбициозности автора (заказчика) граффито, так и о выполнении им и его вероятными спутниками определенной миссии — поручения либо самочинного желания принести домой благословение от апостольского гроба.⁷ Разумеется, на Руси известны и более крупные надписи приватного характера: достаточно упомянуть граффито Стефана на Выдубицкой церкви [Высоцкий 1985: 46, 126, № 325, табл. XIX: 1–2]. Однако почти все эти надписи имеют неупорядоченный вид, образуя длинные, неровные строки. Даже публичная по содержанию запись о судебном разбирательстве “плотеников” на фасаде сложной в белокаменной технике церкви св. Пантелеймона в Галиче Южном не соблюдает вертикальной границы квадрата [Иоаннисян, Рождественская 2009: 200–201, илл. 4, 7]. Своей четкой соотносительностью с форматом камня — лишь буква *n* в первой строке нарушает оставленные по краям поля — граффито Ивана Завидовича в какой-то мере сближается с традицией латинских официальных лапидарных надписей на отдельных рядовых блоках кладки. Возможно, мы имеем дело с неосознанным подражанием. Прodelав сотни верст по дорогам Германии и Франции, русский путник вполне мог видеть такие, часто совсем скромные, надписи в интерьерах и на наружных стенах церквей. Некоторые из них, подобно эпитафии XI в. на цоколе южной абсидиолы трансепта паломнической церкви Сен-Илер-лэ-Гран в Пуатье [CIFM, 1: 64–66, n° 61, pl. xx, fig. 41], мимо которой он наверняка проходил, расположены совсем низко от земли.⁸

Глубоко вырезанный кружок на находящемся под надписью и крестом блоке камня, а также едва заметные латинские капитальные

⁷ О том, что паломничества из Руси совершались не в одиночку, а целыми группами, что естественно при отправлении в столь далекий путь, свидетельствуют, напр., компактно расположенные граффити на колоннах Софии Константинопольской, сделанные одновременно разными людьми, участниками этих паломничеств [Артамонов, Гиппиус 2012: 41–52].

⁸ Не забудем и о распространенной в древней Руси практике обводить написанное рамкой, хотя она относится к надписям небольшого размера, см., напр., поминальные граффити XIV–XV вв. в новгородской церкви Николы на Липне [Рождественская 2009: 151–158].

буквы **AN**. . . (далее не разобрать)⁹ 13–15 мм высотой в вышележащем ряду кладки выглядят скорее “сопутствующими” или же спровоцированными древнерусской надписью элементами. Что касается букв, то длинная верхняя черта у **A** определенно указывает на XII–XIV столетия. На остальных камнях северного торца фасада, как, впрочем, и на соседних стенах, никаких, даже поздних, граффити не обнаруживается. И только на обороте западного фасада, левее главного портала, можно разглядеть столь характерный для Сентонжи рисунок одномачтового судна, “тройную ограду” (она же “мельница”, или “вавилон”), напоминающую романский модильон коронованную голову и несколько других изображений.

В отличие от частной молитвенной надписи Семки Нинославича в Сен-Жиль-дю-Гар,¹⁰ такое же изолированное [BRUN ET AL. 2014: 118], но более монументальное по технике и стилю граффито в Понсе неизбежно ставит вопрос о степени легальности его появления на стене приходской церкви.¹¹ Заручался ли Иван Завидович согласием ее клириков? Что касается выбора места для надписи, то с северной стороны церкви по традиции могло находиться кладбище. Правда, на плане наполеоновского кадастра (1813 г.) оно, напротив, примыкает к ней с запада и юга. Во всяком случае, о менее парадном характере северного торца говорит отсутствие у контрфорса — в отличие от симметричной ему южной лопатки — резной карнизной тяги, и это без каких-либо следов перекладок. Вместе с тем буквально за углом, в боковой арочной нише западного фасада, находилась статуя патронального святого [SENILLOU 1990: 69].

* * *

Паломничества к гробницам апостолов Петра и Иакова, а также латинских святых до самого последнего времени воспринимались как сугубо западные, к которым православная Русь не имела никакого касательства.

⁹ Очевидно, ANNO или ANNI, т. е. “лета. . .”

¹⁰ Компактное письмо надписи Семки Нинославича, с разной высотой строк и сочетанием квадратных и вытянутых букв, находит параллель в близком по тексту, хотя и менее аккуратном граффито в апсиде Михайловского придела Софии Киевской [Высоцкий 1976: 51, табл. XXI–XXII, № 134]. В обоих случаях наиболее крупно написаны слова *рабу своему*, что может говорить об определенном стереотипе; совпадает и изящное S-образное титло над г(оспод)и (ср. также: [Медынцева 1978: 79–80, рис. 65, № 81]).

¹¹ Надпись и крест не процарапаны, а выбиты в камне. Отдельные линии, возможно, подправлены и усилены затем острым лезвием.

Однако уже первая информация об открытии русской надписи в Сен-Жиль-дю-Гар наряду с недавними находками средневековых паломнических значков из Рима в Усвятах (летописный **Въсвѣчь** в Полоцкой земле) и в древнерусском **Червене (Чермно)** на востоке Польши заставила начать пересмотр этой традиционной точки зрения [MUSIN 2012: 249, 253, гус. 1; Мусин 2014: 380–381].¹² При всей популярности святого Эгидия (Жиля) в Европе, популярности, пик которой, по-видимому, приходится как раз на конец XII – первую половину XIII в., трудно было заподозрить, что именно поклонение его мощам было конечной целью странствия Семки Нинославича. Сен-Жиль лежит у начала одной из четырех основных, известных из “Путеводителя для паломника” монаха аббатства Партенэ в Пуату Эмери Пико (XII в.), дорог на Сантьяго-де-Компостела – Via Tolosana (ибо она проходит далее через Тулузу). Поэтому совершенно естественно возникло предположение о том, что Семка Нинославич оказался здесь по пути ко гробу святого Иакова или возвращаясь от него [BRUN ET AL. 2014: 111–112, 121–123].¹³ Аквитанская надпись заявила о таком паломничестве открытым текстом. Учитывая обе сделанные во Франции находки, возможно несколько иначе интерпретировать фразу знаменитого “Вопрошания Кирикова” XII в. *идутьъ въ сторонуу в Юр҃усалимъ къ святымъ* [ПДП 1880: 27]: *къ святымъ* – возможно, указание иных направлений паломничеств, помимо посещения Святой земли.

Выбор из четырех основных дорог на Сантьяго, ближайшей к Атлантике – Via Turonensis, проходившей через Париж, Тур, Пуатье, Сент, Бордо – представляется более естественным именно для новгородца, нежели для жителя Южной Руси (*Илл. 4*). Первую часть пути он вполне мог проделать на торговом корабле по Балтике, начав свое пешее странствие лишь где-то на немецком берегу – быть может, в Любеке. Во второй половине XII в. в традиционной торговле Новгорода с Готландом все большее участие принимают немецкие купцы, в конце концов основывающие в Новгороде свой собственный двор [РЫБИНА 2009: 38–54].

¹² Значки не имеют стратиграфической датировки, однако их тип указывает на конец XII–XIII в. В связи с этим по-иному воспринимается повторяющийся в литовских летописях [ПСРЛ, 32: 23, 131; ПСРЛ, 35: 91, 130, 147 и др.], но сочтенный выдумкой католической пропаганды [Сапунов 1888] рассказ о полоцкой княжне Параскеве, совершившей паломничество в Рим и там умершей (1239).

¹³ Гораздо меньше оснований для подобного предположения в отношении авторов двух давно известных русских надписей в соборе тосканского города Лукки – целью их путешествия, скорее, был Рим или же юг Италии. Впрочем, и сама Лукка притягивала множество паломников, стекавшихся на поклонение чудотворному распятию *Volto Santo* (см. об этом: [СТОРАНИ 1994]).

Илл. 4. Карта Средневековой Европы

Случайно ли также, что именно в Новгороде, в Знаменском соборе, сохранился вставленный в XVI в. в сканую золоченую оправу и превращенный таким образом в панагию западноевропейский стеклянный литик XIII в. с изображением популярного в эпоху мотива — *Veneratio Sancti Jacobi*: два пилигрима в широкополых шляпах, преклонив колени и опираясь на посохи, возносят молитву стоящему между ними святому, чье имя обозначено по сторонам нимба (НГМ, инв. ДРМ-21) [Даркевич 1966: 49–50, рис. 5, № 93; Стерлигова 2008: 419, 711, табл. 2: 149, № 149]? Подобных литиков со святым Иаковом сейчас известно лишь около десятка, и новгородский — единственный во всей Восточной Европе [Мусин 2014: 379–380].¹⁴ Именно в Новгороде, на Софийской стороне, по меньшей мере, с первой половины XII в. существовали сразу две Яковлевские церкви: на Яковле и на Добрыне улице. Первая стала впоследствии собором, один из священников второй был летописцем

¹⁴ Знаменательно, что В. П. Даркевич [1966: 50] допускал, что литик со святым Иаковом был принесен из Испании новгородцем: “Образок из Новгорода, — писал он, — вышел из монастырской мастерской Компостеллы. [. . .] В первой половине XVI в. новгородский ювелир заключил образок в драгоценную сканую оправу, возможно, в память о путешествии одного из древних новгородцев в страну за Пиренеями”.

[Макарий 1860: 181, 204, 224, 228; НПЛ: 27, 39]. Чем объяснить наличие одновременно двух церквей, посвященных святому Иакову? По-видимому, причины кроются в соперничестве боярства Неревского и Людина концов, в которых были построены эти церкви, а покровительство святого Иакова было важно для обеих враждующих боярских группировок.¹⁵

Известно, впрочем, что позднее обе церкви были посвящены не Иакову Зеведееву (Иакову Старшему), а Иакову брату Господню. Более того, в историографии это посвящение принято считать изначальным, связывая его со спасительной для Новгорода победой в битве на Гзени, одержанной в день памяти святого, 23 октября 1069 г. [НПЛ: 17]. Вместе с тем даже “Семисоборная роспись” упоминает имя Иакова брата Господня лишь применительно к церкви на Добрыне улице [Янин 1976: 112–113], а Описание 1617 г. и экспликация плана Новгорода 1745 г. называют Якова (Иакова) только апостолом [Описание 1984: 79, 279, 324, 325, 369, 370]. Так или иначе, но среди не менее многочисленных церквей соседнего с Новгородом Пскова Яковлевских нет вовсе [Лабутина 1985: 164–165, 194–196], ничего не известно о них также в Суздале, Владимире, Полоцке [Тарасаў 1998: 73–87, 171–176], Смоленске [Воронин, Раппопорт 1979: 330–345], Киеве [Пуцко 2009]. Не отрицая убедительности календарной версии, не следует ли все же искать дополнительное объяснение этой новгородской “аномалии” — как и многих других — в той роли, какую сыграл в сложении местной городской культуры варяжский и западнославянский компонент?

Частое смешение в религиозном сознании одноименных святых — с Иаковом Старшим и Иаковом Младшим такое случалось и на Западе — позволяет также упомянуть о заметном присутствии в ранних новгородских церквях изображений Иакова брата Господня. Чудом уцелевший образ святого с надписью *о агню ѡково* в церкви Спаса на Нередице (1199 г.) занимает почетное место посреди нижнего святилища, между фигурами весьма чтимых в Новгороде святых Лазаря и Фоки [Пивоварова 2002: 42–43, илл. 26, 198, 201]. В паре с последним святой Иаков представлен и в арке прохода из алтаря в жертвенник в церкви Благовещения на Мячине (1189 г.) [Царевская 1999: 83, илл. 24]. Кстати, нередицкий образ седовласого старца с клиновидной бородой вполне тождествен — за исключением, конечно, епископских одежд — одному из вариантов романской иконографии свято-

¹⁵ Три самых ранних упоминания Яковлевских церквей в летописях совпадают по времени с палеографической датой нашего граффито: в 1172 г. закладывается в камне церковь на Яковле улице [НПЛ: 34, 222], в 1175 г. гибнет в пожаре и в 1181 г. ставится заново деревянная церковь на Добрыне улице [Ивд.: 34, 37, 223, 227].

го Иакова Старшего, полностью вытесненному впоследствии образом средневека с округлой бородой. Сам же Иаков брат Господень, в соответствии с именованим его на Западе Иаковом Младшим, на французских романских фресках совсем не стар [DESCHAMPS, THIBOUT 1951: pl. LVII-1, LXII-1; 1963: pl. XII-2, XIV-1, ill. p. 62–63].

Ни одного паломнического знака в виде так называемой раковины святого Иакова (*repen maximus*) в новгородских раскопках до сих пор обнаружено не было. Тем не менее, Северо-Запад Руси в целом представлен в этих находках двумя экземплярами (Старая Русса, Витебск), против лишь одного экземпляра Юга (Шепетовское городище, принимавшееся за летописный Изяславль) [Мусин et al. 2004: 625–626; Бубенько 2004: 141, рис. 100:16; Пескова 2001: 123–124, илл. 7]. Старорусская раковина найдена в 1972 г. экспедицией А. Ф. Медведева при раскопках богатой феодальной усадьбы, в слоях второй половины XIII в. Оттуда же происходят и две печати новгородского князя Дмитрия Александровича. Самая маленькая из трех и, вероятно, поэтому наиболее сохранный, витебская раковина внушает некоторые сомнения отсутствием отверстий для ее подвески, хотя сам по себе город Витебск, связанный речным торговым путем с Ригой, выглядит не менее удобным отправным и конечным пунктом паломнического путешествия на Запад.

* * *

Церковь Сен-Вивьен в Понсе, на которой оставил надпись Иван Завидович, была единственным приходским храмом одноименного южного предместья, который со времени своего основания в XI в. принадлежал аббатству Сен-Флоран близ Сомюра на далекой отсюда Луаре. Существующее здание датируется в пределах 40–70-х гг. XII в. Счастливо избежав разрушений эпохи религиозных войн, оно тем не менее оказалось сильно перестроено, за исключением главного фасада, в последней трети XVIII в.

При кажущейся однотипности романских церквей Сентонжи, ни одна из них не повторяет другую буквально. Несмотря на большое готическое окно и две поздние однопролетные звонницы на фронтоне, фасад церкви в Понсе, без преувеличения, принадлежит к одним из самых гармоничных в местном зодчестве. Продиктованная, возможно, анжуйским заказчиком, приятная строгость декора, включая отсутствие модильонов под нижним карнизом (их заменяют углубления в виде больших розеток), роднит его с памятниками первой половины XII в., прежде всего — с фасадом собора монастыря Аббей-о-Дам в г. Сенте с

Илл. 5. Понс, Новый госпиталь. Вид с южной стороны. Вторая половина XII в. с перестройками XVI–XIX вв. (реставрация 1996–2003 гг.). Фотография Н. Гординой

аналогичным делением стены на три неравных прясла. Хотя арочные ниши боковых прясел в Понсе имеют уже эллипсоидные, чуть стрельчатые очертания, а их внешние архивольты напоминают по форме раннеготические нервюры, портал все еще сохраняет полуциркульное завершение и романскую массивность — в отличие, скажем, от drobных протоготических форм портала относящейся к концу века церкви в Сен-Сюльпис-де-Руайан. Делящие средний ярус фасада полуколонны, к тому же, заменены в последней на парные колонны, а креповка торцов фасада — на пучки колонн. Профилировки и орнаментация архивольтов, карнизов и капителей фасада церкви Сен-Вивьен также говорят о дате максимально близкой к середине XII в.

Архитектурно-стилистическая датировка здания и палеографическая датировка надписи в совокупности не оставляют сомнений в том, что посещение Иваном Завидовичем Понса относится ко времени, когда на южном краю Сен-Вивьенского предместья, всего в ста сажнях от церкви, уже существовал большой госпиталь для пилигримов, известный под именем Нового госпиталя (*Hôpital neuf*) (Илл. 5). Призванный принимать не только увечных и больных, но и всех нуждавшихся в отдыхе богомольцев, а главное — раздавать им хлеб, Новый госпи-

таль был основан местным сеньором Жофруа (Годфруа) III, правившим с 1156 по 1191 гг., в дополнение к Старому, он же *Hôpital Saint-Nicolas*, располагавшемуся в северной части города недалеко от замка и упоминаемому в хартиях все того же сомюрского аббатства Сен-Флоран еще с 1067 г. [EVEN 2003: 486].

Средневековые путеводители для паломников рекомендуют для госпиталя в Понсе в качестве надежного и гостеприимного пристанища [GLÉNISSON 2003: 472; EVEN 2003: 490].¹⁶ В отличие от многих подобных заведений, он неизменно оставался в руках светских властей: в 1290 г. епископ Сента пытался поставить во главе госпиталя своего приора, но попытка оказалась безуспешной. К тому же, это единственный госпиталь для пилигримов, относительно полно сохранившийся во Франции от романской эпохи. Комплекс зданий следует типовому плану: возведенный над дорогой длинный крытый проход (*passage*) соединяет примыкающие с обеих сторон помещения. В их сооружении различают два основных этапа. К первому (около 1160 г.) относятся прорезанные аркатурными нишами массивные стены прохода и лежащая ныне в руинах обширная зала с восточной стороны. В нишах позади цокольного выступа-седалища сохранились антропоморфные саркофаги. На втором этапе, датируемом концом XII в., появляется еще одна, более скромная по размерам зала напротив — зала для больных, а над проходом, украшенным отныне двумя боковыми порталами, поднимаются высокие, аквитано-анжуйского типа готические своды и верхний этаж, придающий центральной части комплекса характер воротной башни (утрачен в 1830 г.). Одновременно с тем первоначальная зала, за исключением передней части, служащей для раздачи путникам хлеба, была обращена в церковь. Очевидно, что все это было сделано до погребения в госпитале в феврале 1191 г. его высокородного основателя [SENILLOU 1990: 70–76; EVEN 2003: 487–488; SCHEFFER 2003: 151–152].

Помимо оставленных строителями камнетесных знаков, стены сводчатого прохода хранят десятка три вырезанных средневековыми паломниками подков, часто с вписанными в них крестами и иногда с латинскими инициалами по бокам или внутри [SENILLOU 1990: 73, fig. 2–5]. Видимо, подобная порча стен не поощрялась, иначе бы подков было гораздо больше. Одна из них, на позднем, очевидно, XVI в., юго-западном контрфорсе, выделяясь симметричной Ω -образной формой, заключает в себе именную надпись, которую можно прочитать как **Гаво(р)ъ**

¹⁶ Местоположение госпиталя на краю поселения отвечало обычной практике, ибо делало его доступным путникам и после закрытия городских ворот.

Илл. 6. Понс, Новый госпиталь, юго-западный контрфорс. Рисунок подковы (15,3×22,8 см) с кириллической надписью XVI–XVII вв. Фотография А. Гордина

(Илл. 6).¹⁷ От ключевой для кириллического прочтения буквы *ъ* уцелела лишь тоненькая графья на самой подкове, однако трудно заподозрить здесь простую игру случая: нигде более на поверхности камня подобных иллюзорных форм не усматривается, не говоря о характерном как раз для позднего средневековья размашистом начертании самой буквы. Узкое *г*, зеркальное *а*, широкое *о* (?) и округлый кузов *б* также вполне соответствуют XVI–XVII столетиям. *Габор* — венгерская форма имени Гавриил. Такое имя мог, кажется, носить и живший в Венгерском королевстве, в Закарпатье, русин (ср. также польское *Gabryś* и *Gabruś*, белорусское *Габрусь*, *Габра*, украинское *Габро* и т. п.). Впрочем, из-за повреждения конечных букв предлагаемое прочтение остается гипотетическим.

В зале для больных круглые пилоны и кое-где нижняя часть стены испещрены процарапанными рисунками — в основном периода позднего Средневековья и начала Нового времени.

Об интенсивности движения паломников через Понс свидетельствует, кроме того, относящееся возможно к XIII в. граффито на фасаде романской церкви селения Эшбрюн, в 6 км на восток от Понса, с изображением шествующих человечков в капюшонах, с посохом и сумой на плече [Glénisson 2003: 474]. Нигде в других частях Франции подобных рисунков, насколько нам известно, не зафиксировано.

¹⁷ На датировку контрфорса XVI в., либо самым началом XVII в. указывает характер обработки камня, покрытого мелкими ровными параллельными бороздками [Bessac 1986: 199]. Благодарим за это уточнение французского археолога Кристиана Сапэна.

* * *

Установленный благодаря провансальскому и аквитанскому граффити факт участия людей Древней Руси — по крайней мере, отдельных представителей ее знати — в западноевропейских паломничествах существенно корректирует сложившиеся в историографии представления о характере религиозных контактов русского православного и латинского миров один и даже два века спустя после Великой схизмы. Как видно, такие контакты отнюдь не ограничивались проникновением на Русь доминиканских и других западных миссионеров и функционированием в ряде городов латинских “божниц”. Более того, палеографические и лингвистические датировки обеих надписей вкупе со стратиграфическими датами находок раковин святого Иакова связывают пик паломнической активности со второй половиной XII–XIII вв. — эпохой расцвета торговых отношений Руси и Европы, но вместе с тем и эпохой углубления конфессиональных расхождений христианского Запада и Востока.

В отличие от времен римской Галлии и даже каролингских веков, период классического Средневековья во Франции до крайности беден текстовыми граффити. Закономерным образом заметное место среди сохранившихся занимают надписи, связанные с иноязычной, в частности, иудейской и армянской средой [VOÛARD 1976: 643–687; МАТНОРЕЗ 1918: 5]. Теперь к ним добавляются еще как минимум две уникальные по историко-культурному значению древнерусские надписи.

Библиография

Артамонов, Гиппиус 2012

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., “Древнерусские надписи Софии Константинопольской”, в: Славянский альманах 2011, Москва, 2012, 41–52.

Артамонов et al. 2012

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В., “Древнерусские надписи-граффити Константинопольской Софии. Предварительные итоги исследования”, в: В. Б. ПЕРХАВКО, сост., *1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященного Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.)*, Москва, 2012, 282–292.

БУБЕНЬКО 2004

БУБЕНЬКО Т. С., *Средневековый Витебск. Посад — Нижний Замок (X — первая половина XIV в.)*, Витебск, 2004.

Воронин, Раппопорт 1979

Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., *Зодчество Смоленска XII–XIII вв.*, Ленинград, 1979.

Высоцкий 1966

Высоцкий С. А., *Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв.*, 1, Киев, 1966.

— 1976

ВЫСОЦКИЙ С. А., *Средневековые надписи Софии Киевской. (По материалам граффити XI–XVII вв.)*, Киев, 1976.

— 1985

ВЫСОЦКИЙ С. А., *Киевские граффити XI–XVII вв.*, Киев, 1985.

ДАРКЕВИЧ 1966

ДАРКЕВИЧ В. П., *Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.)* (= Свод археологических источников, Е1-57), Москва, 1966.

ЗАЛИЗНЯК 2000

ЗАЛИЗНЯК А. А., “Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование”, в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте, 10: Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование*, Москва, 2000, 134–429.

— 2004

ЗАЛИЗНЯК А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб., Москва, 2004.

ИОАННИСЯН, РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 2009

ИОАННИСЯН О. М., РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Т. В., “Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви Св. Пантелеймона в Галиче в контексте политических событий конца XII в.”, в: *Труды Государственного Эрмитажа*, 46: *Архитектура и археология Древней Руси*, С.-Петербург, 2009, 198–218.

ЛАБУТИНА 1985

ЛАБУТИНА И. К., *Историческая топография Пскова в XIV–XV веков*, Отв. ред. В. В. Седов, Москва, 1985.

МАКАРИЙ 1860

МАКАРИЙ, АРХИМ., *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях*, 1: Москва, 1860 (Репринт: С.-Петербург, 2003).

МЕДЫНЦЕВА 1978

МЕДЫНЦЕВА А. А., *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века*, Отв. ред. Б. А. Рыбаков, Москва, 1978.

МИХЕЕВ 2012

МИХЕЕВ С. М., “22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода”, *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 62, 2012, 63–99.

МУСИН 2014

МУСИН А. Е., “Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья”, *Российский археологический ежегодник*, 4, 2014, 366–387.

МУСИН ET AL. 2004

МУСИН А. Е., ТОРОПОВА Е. В., ТОРОПОВ С. Е., “Распятие с предстоящими из археологических находок в Старой Руссе – уникальный памятник древнерусской иконописи первой половины XIII в.”, в: *Памятники культуры. Новые открытия. 2003*, Москва, 2004, 619–627.

НПЛ

НАСОНОВ А. Н., ред., *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград, 1950.

ОПИСЬ 1984

ЯНИН В. Л., ред., *Опись Новгорода 1617 г.* (= Памятники отечественной истории, 3), Москва, 1984.

ПДП 1880

Памятники древнерусского канонического права (Памятники XI–XV вв.), 1 (= Русская историческая библиотека, 6), С.-Петербург, 1880.

ПЕСКОВА 2001

ПЕСКОВА А. А., "Паломнические реликвии Святой земли в древнерусском городе", в: *Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сб. научных трудов. Государственный Эрмитаж. К XX Международному конгрессу византистов. Париж, 19–25 августа 2001 года*, С.-Петербург, 2001, 113–126.

ПИВОВАРОВА 2002

ПИВОВАРОВА Н. В., *Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи*, С.-Петербург, 2002.

ПСРЛ, 32

Полное собрание русских летописей, 32: Хроники: Литовская и Жмойская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного, Москва, 1975.

—, 35

Полное собрание русских летописей, 35: Летописи белорусско-литовские, Москва, 1980.

ПУЦКО 2009

ПУЦКО В. Г., "Церковная топография древнего Киева (храмы и реликвии)", в: *Труды Государственного Эрмитажа, 46: Архитектура и археология Древней Руси*, С.-Петербург, 2009, 72–84.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 2009

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Т. В., "Древнерусские надписи-граффиты с именами новгородских иерархов в церкви Николая на Липне в Новгороде", в: *Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина*, Москва, 2009, 151–160.

РЫБИНА 2009

РЫБИНА Е. А., *Новгород и Ганза*, Москва, 2009.

САПУНОВ 1888

САПУНОВ А. П., *Католическая легенда о Параскеве, княжне полоцкой*, Витебск, 1888.

СРЕЗНЕВСКИЙ 1895

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для Словаря древнерусского языка, 2: Л–П*, С.-Петербург, 1895.

СТЕРЛИГОВА 2008

СТЕРЛИГОВА И. А., ред., *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XVI–XVII веков*, Москва, 2008.

ТАРАСАЎ 1998

ТАРАСАЎ С. В., *Полацк IX–XVII ст.ст. Гісторыя і тапаграфія*, Мінск, 1998.

ЦАРЕВСКАЯ 1999

ЦАРЕВСКАЯ Т. Ю., *Фрески церкви Благовещения на Мячине ("в Аркажах")*, С.-Петербург, 1999.

ЯНИН 1976

ЯНИН В. Л., "«Семисоборная роспись» древнего Новгорода", в: *Средневековая Русь. Сб. статей памяти Н. Н. Воронина*, Москва, 1976, 108–117.

ЯНИН, ЗАЛИЗНЯК 1993

ЯНИН В. Л., ЗАЛИЗНЯК А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 9: Из раскопок 1984–1989 гг.*, Москва, 1993.

ЯНИН ET AL. 2015

ЯНИН В. Л., ЗАЛИЗНЯК А. А., ГИППИУС А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 12: Из раскопок 2001–2014 гг.*, Москва, 2015.

BESSAC 1986

BESSAC J.-C., *L'outillage traditionnel du tailleur de pierre de l'Antiquité à nos jours*, Paris, 1986.

BOÛARD 1976

BOÛARD M., DE, "Un ensemble synagogaal à Rouen," *Compte-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles lettres*, 1976, 643–687.

BRUN ET AL. 2004

BRUN A.-S., HARTMANN-VIRNICH A., INGRAND-VARENNE E., MIKHEEV S. M., "Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France," *Slověne*, 3/2, 2014, 110–129.

CIFM, 1

FAVREAU R., MICHAUD J., textes étab. et prés., LABANDE E.-R., dir., *Corpus des inscriptions de la France médiévale*, 1/1: *Ville de Poitiers*, Poitiers, 1974.

DESCHAMPS, THIBOUT 1951

DESCHAMPS P., THIBOUT M., *La peinture murale en France: le haut Moyen Âge et l'époque romane*, Paris, 1951.

— 1963

DESCHAMPS P., THIBOUT M., *La peinture murale en France au début de l'époque gothique, de Philippe-Auguste à la fin du règne de Charles V (1180–1380)*, Paris, 1963.

EVEN 2003

EVEN P., "L'Hôpital Neuf de Pons," in: A. RUCQUOI, dir., *Saint Jacques et la France. Actes du Colloque des 18 et 19 janvier 2001 à la Fondation Singer-Polignac*, Paris, 2003, 485–503.

FUČIĆ 1982

FUČIĆ B., *Glagoljski natpisi* (= Djela JAZU, 57), Zagreb, 1982.

GLÉNISSON 2003

GLÉNISSON J., "De Pons à Blaye, sur le chemin de Saint-Jacques," in: A. RUCQUOI, dir., *Saint Jacques et la France. Actes du Colloque des 18 et 19 janvier 2001 à la Fondation Singer-Polignac*, Paris, 2003, 469–484.

MATHOREZ 1918

MATHOREZ J., "Les éléments de population orientale en France: les Arméniens en France du XIIe au XVIIIe siècle," *Revue historique*, 128, 1918, 1–19.

MUSIN 2012

MUSIN A., "Z wiecznego Rzymu nad Bug: znaki pielgrzymie z Czerwna," w: J. BAGIŃSKA, M. Piotrowski, M. Wołoszyn, red., *Czerwień – grod między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy*, Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów, 2012, 243–255.

SCHEFFER 2003

SCHEFFER M.-È., "Charente-Maritime. Pons, « L'hôpital neuf », un ensemble hospitalier des XIIe et XIIIe siècles et ses aménagements au XVIIIe siècle," *Bulletin Monumental*, 161/2, 2003, 151–154.

SENILLOU 1990

SENILLOU P., *Pons, à travers l'histoire*, Saint-Jean d'Angély, 1990.

STOPANI 1994

STOPANI R., "Rappels, messages et symboles du pèlerinage le long de la *Via Francigena* en Toscane," in: *Trésors et routes de pèlerinages dans l'Europe médiévale*, Conque, 1994, 71–75.

References

- Artamonov Yu. A., Gippius A. A., "Old Russian Inscriptions in the Hagia Sophia in Constantinople," in: *Slavic Almanac 2011*, Moscow, 2012, 41–52.
- Artamonov Yu. A., Gippius A. A., Zaitsev I. V., "Drevnerusskie nadpisi-graffiti Konstantinopol'skoi Sofii. Predvaritel'nye itogi issledovaniia," in: V. B. Perkhavko, ed., *1150 let Rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury*, Moscow, 2012, 282–292.
- Bessac J.-C., *L'outillage traditionnel du tailleur de pierre de l'Antiquité à nos jours*, Paris, 1986.
- Boüard M., de, "Un ensemble synagogal à Rouen," *Compte-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles lettres*, 1976, 643–687.
- Brun A.-S., Hartmann-Virnich A., Ingrand-Varenne E., Mikheev S. M., "Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France," *Slověne*, 3/2, 2014, 110–129.
- Bubenko T. S., *Srednevekovi Vitebsk. Posad – Nizhnii Zamok (X – pervaiia polovina XIV .)*, Vitebsk, 2004.
- Favreau R., Michaud J., textes étab. et prés., Labande E.-R., dir., *Corpus des inscriptions de la France médiévale*, 1/1: *Ville de Poitiers*, Poitiers, 1974.
- Darkevich V. P., *Proizvedeniia zapadnogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope (X–XIV vv.)*, Moscow, 1966.
- Deschamps P., Thibout M., *La peinture murale en France: le haut Moyen Âge et l'époque romane*, Paris, 1951.
- Deschamps P., Thibout M., *La peinture murale en France au début de l'époque gothique, de Philippe-Auguste à la fin du règne de Charles V (1180–1380)*, Paris, 1963.
- Even P., "L'Hôpital Neuf de Pons," in: A. Rucquoi, dir., *Saint Jacques et la France. Actes du Colloque des 18 et 19 janvier 2001 à la Fondation Singer-Polignac*, Paris, 2003, 485–503.
- Fučić B., *Glagoljski natpisi (= Djela JAZU, 57)*, Zagreb, 1982.
- Glénisson J., "De Pons à Blaye, sur le chemin de Saint-Jacques," in: A. Rucquoi, dir., *Saint Jacques et la France. Actes du Colloque des 18 et 19 janvier 2001 à la Fondation Singer-Polignac*, Paris, 2003, 469–484.
- Ioannisyian O. M., Rozhdstvenskaya T. V., "Nadpis' s imenami Mstislava i Ignata na stene tserkvi Sv. Panteleimona v Galiche v kontekste politicheskikh sobytii kontsa XII v.," in: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 46: *Arkhitektura i arkhologiiia Drevnei Rusi*, St. Petersburg, 2009, 198–218.
- Labutina I. K., *Istoricheskaia topografiia Pskova v XIV–XV vekov*, Moscow, 1985.
- Mathorez J., "Les éléments de population orientale en France: les Arméniens en France du XIIe au XVIIIe siècle," *Revue historique*, 128, 1918, 1–19.
- Medyntseva A. A., *Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofitskogo sobora: XI–XIV veka*, Moscow, 1978.
- Mikheev S. M., "Twenty Two 11th–12th Century Old Russian Glagolitic Graffiti Inscriptions from Novgorod," *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 62, 2012, 63–99.
- Musin A., "Z viecznogo Rzymu nad Bug: znaki pielgrzymie z Czeramna," w: J. Bagińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn, red., *Czerwień – grod między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy*, Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów, 2012, 243–255.
- Musin A. E., "Corals in the Christian Culture of East Europe and Mediterranean Area," *Russian Archaeological Yearbook*, 4, 2014, 366–387.
- Musin A. E., Toropova E. V., Toropov S. E., "Raspisatie s predstoiashchimi iz arkhelogicheskikh nakhodok v Staroi Russe – unikal'nyi pamiatnik drevnerusskoi ikonopisi pervoi poloviny XIII v.," in: *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia*, 2003, Moscow, 2004, 619–627.
- Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvodov*, Moscow, Leningrad, 1950.
- Peskova A. A., "Palomnicheskie relikvii Sviatoi zemli v drevnerusskom gorode," in: *Piligrimy. Istoriko-kul'turnaia rol' palomnichestva*, St. Petersburg, 2001, 113–126.
- Pivovarova N. V., *Freski tserkvi Spasa na Nereditse v Novgorode: Ikonograficheskaia programma rospisi*, St. Petersburg, 2002.
- Putsko V. G., "Tserkovnaia topografiia drevnego Kiev (khramy i relikvii)," in: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 46: *Arkhitektura i arkhologiiia Drevnei Rusi*, St. Petersburg, 2009, 72–84.
- Rozhdstvenskaya T. V., "Drevnerusskie nadpisi-graffiti s imenami novgorodskikh ierarkhov v tserkvi Nikolai na Lipne v Novgorode," in: *Velikii Novgorod i Srednevekovaia Rus'*, Moscow, 2009, 151–160.
- Rybina E. A., *Novgorod i Ganza*, Moscow, 2009.
- Scheffer M.-É., "Charente-Maritime. Pons, « L'hôpital neuf », un ensemble hospitalier des XIIe et XIIIe siècles et ses aménagements au XVIIIe siècle," *Bulletin Monumental*, 161/2, 2003, 151–154.
- Senillou P., *Pons, à travers l'histoire*, Saint-Jean d'Angély, 1990.
- Sterligova I. A., ed., *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda: Khudozhestvennyi metall XVI–XVII vekov*, Moscow, 2008.
- Stopani R., "Rappels, messages et symboles du pèlerinage le long de la Via Francigena en Toscane," in: *Trésors et routes de pèlerinages dans l'Europe médiévale*, Conque, 1994, 71–75.
- Tarasū S. V., *Polatsk IX–XVII st.st. Historyia i tapahrafii*, Minsk, 1998.

Tsarevskaya T. Yu., *Freski tserkvi Blagoveshcheniia na Miachine ("v Arkazhakh")*, St. Petersburg, 1999.

Voronin N. N., Rappoport P. A., *Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv.*, Leningrad, 1979.

Vysotsky S. A., *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi. XI–XIV vv.*, 1, Kiev, 1966.

Vysotsky S. A., *Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoi. (Po materialam graffiti XI–XVII vv.)*, Kiev, 1976.

Vysotsky S. A., *Kievskie graffiti XI–XVII vv.*, Kiev, 1985.

Yanin V. L., "«Semisobornaia rospis'» drevnego Novgoroda," in: *Srednevekovaia Rus'. Sb. statei pamiati N. N. Voronina*, Moscow, 1976, 108–117.

Yanin V. L., ed., *Opis' Novgoroda 1617 g.* (= Pamiatniki otechestvennoi istorii, 3), Moscow, 1984.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 9, Moscow, 1993.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12, Moscow, 2015.

Zaliznyak A. A., "Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie," in: V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10, Moscow, 2000, 134–429.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Александр Михайлович Гордин,

канд. искусствоведения

Государственный Эрмитаж,

Сектор архитектурной археологии, научный сотрудник

190000 С.-Петербург, Дворцовая наб., д. 34

Россия/Russia

gordin@hermitage.ru

проф. Татьяна Всеволодовна Рождественская,

д. филол. наук

С.-Петербургский государственный университет

Филологический факультет, профессор кафедры русского языка

199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11

Россия/Russia

tat.rozhd@gmail.com

t.rozhdestvenskaya@spbu.ru

Received January 27, 2016